

**БЛОНДИНКА
В ОЗЕРЕ**

Трилоу-билдинг стоял, и стоит до сих пор, на Олив-стрит, в западной части города, неподалеку от Шестой улицы. Тротуар перед ним был вымощен черными и белыми каучуковыми плитами. Сейчас их выворачивали для военных нужд, и похожий на управителя человек, бледный, без шляпы, смотрел на рабочих с тоской в глазах.

Миновал его, а затем пассаж с фирменными магазинчиками, я очутился в большом черном с золотом вестибюле. Фирма «Гиллерлейн» находилась на седьмом этаже, окнами по фасаду, за двойными вращающимися дверьми из темного стекла и алюминия. Приемную устлали китайские ковры, вдоль тускло-серебристых стен темнела прямоугольная стильная мебель, поблескивали изломами абстрактные скульптуры на подставках, а в углу красовалась большая треугольная витрина с образцами продукции. На ярусах, ступеньках, островках и архипелагах сверкающих зеркал стояла масса изысканных пузырьков и коробочек всевозможных форм и размеров. Крем, пудра, мыло, одеколон — на любое время года, на любой случай. Там были духи в длинных тонких флаконах, готовых опрокинуться от одного дыхания, были духи в маленьких, нежных оттенков фиалах, повязанных атласными бантами, как девочки в танцевальном классе. Но гордостью и украшением коллекции, видимо, считалось нечто в простом, янтарного цвета, приплюснутом флакончике. Его расположили в центре, отдельно, на уровне глаз, и рекламировали как «Жемчужину Гиллерлейнов. Королеву благовоний». Спешите купить! Одна капелька в ямочку на шее, и на вас прольется золотой дождь успеха.

В дальнем углу приемной у небольшого коммутатора дежурила ладная блондиночка, защищенная от опасных посягательств перильцами, а перед дверьми сидела высокая стройная красотка. Звали ее, судя по чеканной табличке на столе, Адрианой Фромсет.

На мисс Фромсет был строгий, стального цвета костюм и темно-синяя рубашка с мужским галстуком чуть посветлее. Краями

платочка в нагрудном кармане, казалось, можно порезаться. На запястье поблескивало единственное украшение — узорчатый браслет. Черные волосы, разделенные прямым пробором, падали на плечи с хорошо продуманной небрежностью. Кожа была гладкая, смугловатая, брови резкие, а большие темные глаза, видимо, умели и теплеть — само собой, в подходящее время и при подходящих обстоятельствах.

Я протянул ей свою визитную карточку — скромный вариант, без маленького пистолета, оттиснутого в уголке, — и спросил, нельзя ли увидеться с мистером Дерасом Кингсли.

Она взглянула на карточку:

— Вы с ним договорились?

— Нет.

— Без предварительной договоренности попасть к мистеру Кингсли практически невозможно.

Крыть мне было нечем.

— А по какому вы делу, мистер Марлоу?

— По личному.

— Мистер Кингсли вас знает?

— Не думаю. Хотя имя, возможно, и слышал. Скажите ему, что я от лейтенанта Макджи.

— А с этим лейтенантом мистер Кингсли знаком?

Она бросила мою карточку рядом с кипой бланков для деловых писем с только что отпечатанными шапками, откинулась на спинку стула и, вытянув руку, тихонько забарабанила по столу золотым карандашиком.

Я ухмыльнулся. Блондинка за коммутатором наострила похожие на раковины ушки и нерешительно улыбнулась. Она выглядела игривой, кокетливой, но не совсем уверенной в себе, словно котенок, попавший в дом, где котят не жалуют.

— Надеюсь, что знаком, — ответил я. — Но, может, лучше спросить его самого?

Чтобы не швырнуть в меня подставкой для авторучек, мисс Фромсет заставила себя быстро проставить номера на трех письмах, а потом, не поднимая глаз, сказала:

— У мистера Кингсли сейчас совещание. Визитную карточку я ему передам при первой же возможности.

Я поблагодарил и подошел к креслу из кожи и хромированного металла. Оно было куда удобнее, чем казалось на первый взгляд. Время потянулось в густой тишине. Никто не входил и не выходил.

дил. Изящные руки мисс Фромсет порхали над бумагами, слегка пощелкивали переключатели коммутатора, да временами блондинка за перильцами что-то приглушенно мяукала в трубку.

Закурив, я подтянул к себе по полу большую пепельницу. Минуты на цыпочках засеменяли одна за другой. Я как следует осмотрел приемную. По обстановке конторы о делах фирмы ничего не скажешь. Она могла ворочать миллионами, но не исключено, что сейф в заднем помещении уже опечатал судебный исполнитель.

Три-четыре сигареты спустя дверь за спиной мисс Фромсет распахнулась, и из нее, пятась задом и хохоча, вышли два человека. Третий придержал им дверь и тоже за компанию хохотнул. Гости сердечно пожали ему руку и ушли. Третий стер с лица улыбку и стал похож на человека, который вообще никогда не улыбается. Он был высокий, в сером костюме и чертовски деловой.

— Кто-нибудь заходил? — спросил он резким начальственным тоном.

— Вас ждет некий мистер Марлоу. От лейтенанта Макджи. По личному делу, — приветливо отозвалась мисс Фромсет.

— Знать не знаю такого! — рявкнул высокий.

Он взял визитную карточку и, даже не взглянув на меня, вернулся в кабинет. Пневматическая дверь закрылась за ним, издав нечто похожее на презрительное «фи». Мисс Фромсет одарила меня милой, печальной улыбкой. В ответ я ей цинично подмигнул и сунул в губы еще одну сигарету. Время снова потянулось в полной тишине. Фирма «Гиллерлейн» начинала мне нравиться.

Минут через десять внутренняя дверь отворилась, хозяин появился снова, уже в шляпе, и процедил, что идет к парикмахеру. Размашистым спортивным шагом он направился по китайскому ковру к дверям, но на полпути заложил резкий вираж к моему креслу и рявкнул:

— Вы ко мне?

Мистер Кингсли был выше шести футов и довольно крепкий. Глаза серые, тяжелые, с холодным блеском. Серый, спортивного кроя костюм в тонкую белую полоску сидел на нем элегантно. И всем своим видом Кингсли давал вам понять, что на мякине его не проведешь.

Я встал:

— К вам, если вы, конечно, мистер Дерас Кингсли.

— А вы думали кто?

Я оставил последние слова без внимания и протянул ему другую карточку, где была обозначена моя профессия. Он зажал ее в лапе и, хмурясь, прочел.

— А кто такой Макджи? — резко спросил он.

— Да так, мой приятель.

— Восхитительно. Я польщен. — И он оглянулся на мисс Фромсет; той его сарказм пришелся по душе; она была просто в восторге. — Может быть, соизволите сказать о нем что-нибудь еще?

— Пожалуйста. Еще его зовут Макджи Фиалка. Это потому, что он все время сосет пастилки от кашля, а они пахнут фиалками. Человек он рослый, с мягкими седыми волосами и небольшими пухлыми губами. Неравнодушен к женщинам. Когда я его видел в последний раз, на нем был аккуратный синий костюм, коричневые туфли на толстой подошве, серая фетровая шляпа и он курил опиум. Трубка у него небольшая, вересковая.

— Мне не нравятся ваши манеры, — заявил Кингсли таким твердым тоном, что им, казалось, можно колоть орехи.

— Не нравятся, и не надо, — сказал я. — Я их не собираюсь продавать.

Он качнулся назад, будто я сунул ему под нос тухлую скумбрию, затем повернулся и бросил через плечо:

— Даю вам на разговор три минуты. Один бог знает, для чего.

Он зло пролетел мимо стола мисс Фромсет, так что ковер под его ногами чуть не задымился, толкнул свою дверь и отпустил ее у меня перед самым носом. Этот фокус тоже пришелся мисс Фромсет по душе, но теперь ее глаза, по-моему, лукаво посмеивались.

Кабинет Кингсли был великолепен. Большой, тихий, с кондиционером; окна закрыты, серые жалюзи приспущены от жаркого июльского солнца. Сероватые шторы подобраны по цвету с коврами, в углу черный с серебром сейф и под стать ему — низкие ящики картотеки. На стене огромная подретушированная фотография старика с массивным крючковатым носом, бакенбардами и стоячим воротничком. Торчащий в разрезе воротничка кадык выглядел решительнее, чем у некоторых подбородки. Пластинка под фото гласила: «Мэтью Гиллерлейн, 1860–1934».

Дерас Кингсли на скорости обогнул большой стол, ценой не менее восьмисот долларов, и плюхнулся в высокое кожаное кресло. Потом вынул из шкатулки красного дерева, оправленного в бронзу, длинную сигару, обрезал ее и прикурил от большой бронзовой зажигалки. Прodelывал он все это не спеша. Спешу ли я — никого не волновало. Закончив с сигарой, он откинулся в кресле, выпустил колючку дыма и сказал:

— Я деловой человек. На пустяки у меня нет времени. Судя по визитной карточке, вы профессиональный сыщик. Покажите бумаги.

Я достал бумажник и протянул ему документы. Он глянул на них и бросил назад через стол. Копия удостоверения в целлюлоидной оправе соскользнула на пол. Извиниться Кингсли и не подумал.

— Ни о каком Макджи я не слышал, — сказал он. — Знаком лишь с шерифом Петерсенom. Я просил найти мне для одного дела надежного человека. Судя по всему, это вы.

— Макджи работает у Петерсена, но только в Голливудском отделении. Можете проверить.

— Зачем? Вы мне, скорее всего, подойдете. Только постарайтесь меня не раздражать. И запомните, если я кого нанимаю, то нанимаю со всеми потрохами. Мое слово — закон. И еще: придется держать язык за зубами. Иначе тут же вылетите вон. Ясно? Спуску я не дам. Так что подумайте, не слишком ли жесткие условия.

— Пока оставим вопрос открытым, — сказал я.

Он нахмурился и резко спросил:

— Сколько вы берете?

— Двадцать пять долларов в день, не считая расходов. Плюс восемь центов за милю на бензин.

— Чуть, — сказал он. — Куда столько? Пятнадцати долларов хватит за глаза. Бензин я оплачивать готов, но в разумных пределах. Развлекательных поездок не потерплю.

Я затанулся, выпустил серое облачко дыма, развеял его ладонью, но не сказал ни слова. Мое молчание его несколько удивило.

Он наклонился над столом и протянул руку с сигарой в мою сторону.

— Я вас еще не нанял. Но если найму, то потребую хранить все в полной тайне. Никакого трепа с вашими друзьями-полицейскими. Ясно?

— Что за работа мне предстоит, мистер Кингсли?

— А вам не все равно? Вы ведь, наверное, беретесь за любые следования?

— Нет, не за любые. Только за чистоплотные.

Крепко сжав челюсти, он посмотрел мне в лицо. Его серые глаза потемнели.

— Кстати, я не занимаюсь разводами, — продолжал я. — И еще беру сто долларов задатка — с незнакомых.

— Да-а, — протянул он неожиданно тихим голосом. — Ну-ну.

— Теперь по вопросу об условиях и жесткости, — сказал я. — Большинство моих клиентов поначалу или плачут мне в жилетку, или орут, чтобы показать, кто хозяин. Но в конечном итоге всегда становятся самими собой — если остаются в живых.

— Ну-ну, — повторил он тем же тихим голосом, не сводя с меня глаз. — И многих вы теряете?

— Не особенно, если мы находим общий язык.

— Хотите сигару? — спросил он.

Я взял ее и сунул в карман.

— Мне нужно найти жену, — сказал он. — Она пропала месяц назад.

— Понятно, — сказал я. — Найду я вам жену.

Мистер Кингсли хлопнул по столу обеими руками:

— Думаю, и вправду найдете. — И, улыбнувшись, добавил: — Таких щелчков по носу я не получал уже четыре года.

Я промолчал.

— Черт! — сказал он. — Мне даже понравилось. Действительно понравилось. — Он запустил пальцы в густую темную шевелюру. —

А от жены я ничего не слышал уже месяц. Она была в горах. Там у нас коттедж около Пумьей Вершины. Знаете это место?

Я сказал, что знаю.

— Коттедж находится в трех милях от поселка, — продолжал Кингсли. — В конце — подъезд по частной дороге. Стоит он на берегу озерца, называется оно Оленье. Нас там трое совладельцев, и вскладчину мы возвели плотину. Участок большой, земля, правда, еще не обихожена, но со временем мы ею займемся. У моих двух приятелей тоже по коттеджу, а в четвертом бесплатно живет с женой некто Билл Чесс. Он ветеран войны, инвалид на пенсии и присматривает за порядком. Больше никого нет. Жена уехала туда в середине мая, два раза приезжала на выходные, хотела снова появиться двенадцатого июня на вечеринке, но так и не появилась.

— Что-нибудь вы уже предприняли?

— Ничего. Абсолютно ничего. Даже не был там.

Он умолк, чтобы дать мне возможность спросить почему.

— Почему? — спросил я.

Мистер Кингсли отодвинулся вместе с креслом и открыл ключом ящик стола. Он вынул оттуда сложенный листок бумаги и бросил мне. Я развернул его. Это оказалась телеграмма, посланная из Эль-Пасо четырнадцатого июня в девять девятнадцать утра. Адресована она была Дерасу Кингсли, Беверли-Хиллз, Карсон-драйв, дом 965.

УЕЗЖАЮ МЕКСИКУ ПОЛУЧИТЬ РАЗВОД ТЧК ВЫХОЖУ
ЗА КРИСА ТЧК ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ КРИСТЛ.

Я положил телеграмму на стол рядом с собой, а он уже протягивал мне большую четкую фотографию на глянцевой бумаге, изображавшую парочку на пляже под грибком. Мужчина сидел в плавках, женщина — в очень открытом белом купальнике. Красивая, хорошо сложенная блондинка, молодая, улыбающаяся, и дюжий смуглый парень около шести футов с темными прилизанными волосами. Плечи широкие, ноги стройные, зубы белые. Типичная гроза супружеских перин: мозги — птичьи, а руки приделаны лишь для того, чтобы обнимать. На пальце парень крутил темные очки и смотрел в камеру со спокойной заученной улыбкой.

— Это моя жена и Крис Лейвери. Пусть себе милуются сколько угодно. Мне плевать.

Я положил фото поверх телеграммы:

— А из-за чего весь сыр-бор?

— Телефона там нет, — сказал он. — Вечеринка, на которую она сюда собиралась, была для нее не особенно важной. Так что до теле-

граммы меня вообще ничего не смущало. Да и телеграмме я почти не удивился. У нас с Кристл давно все кончено. Она живет своей жизнью, я — своей. Денег ей хватает — около двадцати тысяч годового дохода от акций семейного акционерного общества. В Техасе у них на откупе богатые нефтяные скважины. В одиночестве сидеть не любит, и Лейвери, я знаю, был одним из ее любовников. Мне бы, конечно, задуматься, зачем ей понадобилось выходить за профессионального ловеласа. Но вообще-то, ничего особенного я во всем этом не усмотрел.

— А что потом?

— Две недели было тихо. Затем позвонили из гостиницы «Прескот» в Сан-Бернардино и сообщили, что у них в гараже стоит «паккард», зарегистрированный на имя Кристл Кингсли, проживающей по моему адресу, и спросили, какие на этот счет будут указания. Я попросил их последить за машиной и выслал чек. Вроде бы опять ничего странного. Мало ли почему Кристл не вернулась, да и поехали они, скорей всего, на машине Лейвери. Но позавчера я столкнулся с ним около спортивного клуба, здесь, на углу. Он сказал, что не имеет никакого представления, где Кристл.

Кингсли бросил на меня быстрый взгляд и поставил на стол бутылку и два бокала цветного стекла. Наполнив их, он подвинул один мне и, подняв свой к свету, медленно произнес:

— Лейвери сказал, что никуда не уезжал и вообще не пересекался с Кристл уже два месяца.

— Вы поверили?

Хмуро кивнув, он выпил и отставил бокал в сторону. Я хлебнул из своего. Оказалось, что это виски. Причем не лучшего качества.

— Может быть, и зря поверил, но поверил не потому, что он порядочный человек. Куда там! Дело в том, что этого подонка хлебом не корми, дай залезть в постель к жене приятеля и потом покуражиться. Кто-кто, а уж он не упустил бы случая достать меня тем, что умыкнул Кристл. Этих котов я знаю, а Криса Лейвери лучше других. Одно время он тут работал и без конца влипал в истории — не мог пропустить в нашей конторе ни одной юбки. К тому же я ему рассказал о телеграмме из Эль-Пасо. Какой ему смысл врать?

— Предположим, ваша жена дала ему от ворот поворот, — сказал я. — Это бы Лейвери больно зацепило — с его-то комплексом Казановы.

Кингсли было повеселел, правда совсем немного, но тут же замолтал головой.

— Нет. Все же я склонен ему верить. А ваша задача — доказать, что я ошибаюсь. Для того вас и нанимают. Хотя есть в этом деле еще один неприятный аспект. У меня тут прекрасная работа, но это только работа. Я не хозяин. Поэтому скандал может мне крупно навредить. Стоит жене угодить в полицию, и я с треском вылетчу.

— В полицию?

— Кроме других своих выкрутасов, — мрачно сказал Кингсли, — она еще время от времени что-нибудь крадет в магазинах. Думаю, от желания пощекотать с перепоя нервы. Но управляющие, случалось, устраивали нам те еще сцены. Пока мне удавалось спускать все на тормозах, и в суд ее не таскали, но если она влипнет в другом городе, где ее никто не знает... — Он поднял руки и громко хлопнул ладонями по столу. — Дело кончится каталажкой.

— Отпечатки пальцев у нее еще не брали? — спросил я.

— Нет, в полицию она не попадала, — ответил он.

— Я не про то. Иногда в больших универмагах ставят условие: «Дайте нам снять отпечатки пальцев, и обвинений мы предъявлять не будем». У новичков это отбивает охоту к воровству, а в торговой ассоциации копят данные на клептоманов. Стоит отпечаткам попасть в картотеку определенное число раз, и спуску проштрафившемуся уже не дадут.

— Насколько мне известно, ничего подобного с ней пока не случилось.

— Тогда воровство можно не принимать в расчет, — сказал я. — При аресте ее бы обыскали. Так что, назовись она даже чужим именем, вас бы уже нашли. К тому же она сама завопила бы о помощи. Да и телеграмме, — я ткнул пальцем в бело-голубой бланк, — уже месяц. Если ваша жена попалась месяц назад, все давно улажено. На первый раз отделалась бы порицанием или условным приговором.

От волнения Кингсли налил себе еще виски.

— Вы меня успокаиваете, — сказал он.

— Мало ли что могло случиться, — продолжал я. — Скажем, она действительно уехала с Лейвери, но потом они расплевались. Или уехала с другим, а эту телеграмму послала для отвода глаз. Или уехала с какой-то женщиной. А то и вообще одна. А может, зашла и сейчас лечится в частной клинике. Или влипла в такое, что нам и не снилось. Могла попасть, кстати, в серьезную передрагу.

— Типун вам на язык! — воскликнул Кингсли.

— А что странного? Исключать ничего нельзя. Насколько я понимаю, миссис Кингсли молода, хороша собой и без царя в голове.

Любит выпить и способна на опасные выходки. Еще равнодушна к мужчинам — поэтому ей раз плюнуть спутаться с проходимцем. Правильно?

— Абсолютно! — кивнул он.

— Сколько у нее бывает с собой денег?

— Довольно много. В банке свой счет. Сколько захочет — столько и снимает.

— Дети есть?

— Нет.

— Ее делами управляете вы?

Он отрицательно покачал головой:

— Дел, собственно, никаких и нет. Она просто выписывает чеки, берет деньги и тратит. Гроша ни во что не вложила. А если вы намекаете на меня, то мне от ее денег никакого проку. — Он немного помолчал. — Конечно, в свое время у меня были на них виды. Да и кому понравится, если в трубу каждый год вылетает двадцать тысяч, а взамен — лишь похмелье и любовники типа Криса Лейвери.

— В каких вы отношениях с ее банком? Есть возможность узнать, сколько она сняла со счета за последнюю пару месяцев?

— Не скажут. Однажды я решил, что ее кто-то шантажирует, и пытался выудить у них данные. Наткнулся на стену.

— Они нам могут понадобиться, эти данные, — сказал я. — И возможность получить их есть. Только придется идти в отдел розыска пропавших без вести. Как вы к этому отнесетесь?

— Ну уж нет. Зачем бы я тогда нанимал вас?

Я кивнул, взял со стола телеграмму, фотографию и положил в карман.

— С миссис Кингсли могло произойти что угодно. Сначала я поговорю с Лейвери, а потом съезжу на Оленье озеро, порасспрашиваю там. Сейчас мне нужен его адрес и записка к вашему сторожу в горах.

Он вынул из стола фирменный бланк, что-то написал и протянул мне. Я прочел:

Дорогой Билл! Подателю сего, мистеру Филипу Марлоу, необходимо осмотреть наш участок. Откройте ему, пожалуйста, мой коттедж, а также окажите помощь во всем остальном.

С уважением,

Дерас Кингсли.

Я сложил записку и сунул ее в конверт, который он тем временем надписал.

— А кто живет в остальных коттеджах? — спросил я.

— В этом году пока никто. Один из моих приятелей на государственной службе в Вашингтоне, другой — в Форт-Ливенворте. Жены с ними.

— Теперь адрес Лейвери, — сказал я.

Кингсли устремил взгляд в потолок.

— Бэй-Сити... Черт! Где стоит дом, помню, а адрес забыл. Думаю, у мисс Фромсет он есть. Ей, кстати, не обязательно знать, зачем он вам. Хотя она, видимо, догадается. Да, еще вы требовали сотню задатка.

— Обойдусь, — сказал я. — Требовал, когда вы пытались вытереть об меня ноги.

Он усмехнулся. Я встал и хотел было уйти, но на секунду задержался:

— Вы ничего от меня не утаили? Ничего важного?

Он уставился на свои пальцы:

— Ничего. Я действительно беспокоюсь и хочу, чтобы вы ее нашли. Чертовски беспокоюсь. Если что раскопаете, звоните в любой час дня и ночи.

Я пообещал, пожал ему руку и вышел из большого прохладного кабинета в приемную, где сидела за столом элегантная мисс Фромсет.

— Мистер Кингсли просит дать адрес Криса Лейвери, — сказал я, наблюдая за ее лицом.

Она очень медленно подтянула к себе адресную книгу в коричневом кожаном переплете и полистала страницы.

— Бэй-Сити, Альгаир-стрит, дом шестьсот двадцать три. Местный телефон — двенадцать пятьсот двадцать три. Но мистер Лейвери не работает у нас уже больше года. Мог за это время и переехать. — Голос звучал холодно, напряженно.

Я поблагодарил ее и направился к выходу. У дверей я оглянулся. Она сидела не шевелясь, сложив руки на столе и устремив взгляд в пространство. На щеках были красные пятна, в глазах — горечь.

У меня создалось впечатление, что мистер Крис Лейвери не оставил в ее сердце нежных чувств.

Альгаир-стрит тянулась по краю глубокого каньона, расширяющегося у залива. К северу до мыса Малибу голубела прохладная водная гладь. Южнее на крутом берегу лепился над прибрежным шоссе пляжный городок Бэй-Сити.

Улица оказалась маленькой, всего три-четыре квартала, и кончалась тупиком — высоким железным забором, отгораживающим чье-то большое поместье. Сквозь прутья с позолоченными пиками виднелись деревья, кусты, край лужайки, кусок подъездного пути, но сам особняк был скрыт. На противоположной от каньона стороне улицы выстроились большие ухоженные дома, а те, что раскинулись по краю обрыва, были так себе. Вблизи железного забора стояли всего два бунгало, почти точно одно против другого. На том, что поменьше, висел номер 623.

Я проехал мимо, сделал разворот у тупика, вернулся и заглушил машину чуть дальше, у соседнего участка. Дом Лейвери жался ласточкиным гнездом к склону обрыва: парадная дверь немного ниже уровня улицы, патио на крыше, спальня в полуподвальном этаже, а гараж свисал вниз, как сетка бильярдной лузы. По фронтальной стене дома вилась темно-красная бугенвиллея, а дорожку, выложенную из плоских камней, окаймлял корейский мох. Дверь была узкая, решетчатая, с острыми зубцами полукругом вверху. Под решеткой висел железный дверной молоток. Я постучал.

Никто не ответил. Тогда я надавил кнопку звонка сбоку двери, услышал, как близко в доме зазвенело, и подождал: опять ничего. Пришлось снова взяться за молоток. Безрезультатно. Я вернулся по дорожке к улице, спустился к гаражу, и мне удалось чуточку приоткрыть дверь. Там стояла машина с белыми ободками на крышках вокруг колпаков. Я снова пошел к передней двери.

Из гаража на противоположной стороне выполз задом аккуратный черный «кадиллак», развернулся и, проезжая мимо дома Лейвери, замедлил ход. Худощавый человек в черных очках строго оглядел меня, словно я не имел никаких прав торчать тут. Я ответил ему холодным взглядом, и он покатил дальше.

Подойдя к двери, я снова взялся за молоток. На этот раз повезло. Окошечко в двери распахнулось, и сквозь прутья решетки на меня уставилось красивое лицо с блестящими карими глазами.

— Черт, ну и грохот!

— Мистер Лейвери?

Он кивнул и спросил, что мне нужно. Я просунул сквозь решетку визитную карточку. Большая загорелая рука забрала ее. Через секунду карие глаза вонзились в меня снова.

— Пардон, но сегодня мне сыщики не требуются.

— Я работаю на Дераса Кингсли.

— К чертям и вас, и его, — сказал он и захлопнул окошко.

Надавив на звонок, я свободной рукой достал сигарету, чиркнул спичкой о косяк, но тут дверь распахнулась, и из нее вышел здоровенный парень в плавках, пляжных тапочках и белом махровом халате.

Я убрал палец с кнопки и ухмыльнулся:

— Ну что, не выдержали?

— Позвони еще раз, — сказал он, — и полетишь кувырком через всю улицу.

— Бросьте глупить, — сказал я. — Ясно же, что нам не избежать разговора.

Я вынул из кармана бело-голубую телеграмму и поднес к его блестящим глазам. Он угрюмо пробежал текст, закусил губу и проворчал:

— Проходите, черт вас дерит.

С этими словами Лейвери широко распахнул дверь, и я прошел в приятный полумрак гостиной с дорогим китайским ковром абрикосового цвета, глубокими креслами, белыми цилиндрическими плафонами ламп, длинным, очень широким диваном под мохеровым пледом бежево-шоколадных тонов и камином с резной доской светлого дерева и медным экраном. В камине за экраном лежали дрова, прикрытые большой веткой толокнянки. Ее соцветия уже местами пожухли, но были все еще красивы. На стеклянной столешнице низкого круглого столика из орехового дерева стояло медное ведро для льда, а на подносе — бутылка виски «Ват 69» и бокалы. Комната тянулась через весь дом и кончалась аркой, за которой виднелись три узких окна и белые перила ведущей вниз железной лестницы.

Лейвери хлопнул дверью и сел на диван. Потом вынул из чеканной серебряной папиросницы сигарету, прикурил и раздраженно уставился на меня. Я сел напротив и тоже принялся его рас-

сматривать. Снимок не наврал — парень был действительно хорош. Потрясающий торс, роскошные ноги. Кофейные, с сероватыми белками глаза. Волосы длинные, слегка вьющиеся на висках. Кожа загорелая, абсолютно гладкая. Призовой бык, да и только — на мой взгляд, во всяком случае. Хотя понять, почему женщины вешались ему на шею, было нетрудно.

— К чему скрывать, где она? — спросил я. — В конце концов, мы так или иначе узнаем. А скажете сами, от вас быстрее отстанут.

— Отстанут? Так я и испугался какого-то частного шпиика!

— Зря. Частный шпиик может попортить нервы кому угодно. Народ мы упорный, к оскорблениям привычный. Да и платят нам за время, так что не все ли равно, как его проводить?

— Послушайте! — Он наклонился вперед и ткнул в мою сторону сигаретой. — Вашу телеграмму я посмотрел. Чушь собачья! Ни в какой Эль-Пасо я с Кристл не ездил. А в последний раз мы виделись... в общем, задолго до той даты, что стоит на бланке. Кингсли я уже говорил — ничего я о ней не знаю.

— Он не обязан вам верить.

— А какой мне смысл врать? — удивился Лейвери.

— А какой смысл говорить правду?

— Послушайте, — сказал он с серьезным видом, — вы, видно, совсем не знаете Кристл. На Кингсли ей плевать. А если ему не по душе ее поведение, пусть ищет себе другую. Меня просто тошнит от этих ревнивых мужей.

— Если вы не ездили с ней даже до Эль-Пасо, с какой стати она дала эту телеграмму? — спросил я.

— Откуда мне знать?

— Неубедительно, — сказал я и показал на ветку толокнянки. — Сорвали у Оленьего озера?

— Тут на склонах полно толокнянки, — бросил он презрительно.

— Но цветет она совсем не так.

Он рассмеялся:

— Если уж вам так хочется знать, я был у нее во второй половине мая. Все равно пронюхаете. Но с тех пор вообще не видел.

— Вы собираетесь на ней жениться?

— Подумывал. — Он пустил струйку дыма. — У нее есть деньги. А деньги никогда не мешают. Но уж больно тяжело они бы мне доставались.

Я кивнул, но промолчал. Лейвери снова посмотрел на ветку толокнянки в камине, пыхнул сигаретой и откинулся назад, демон-

стрируя крепкую загорелую шею. Я все еще молчал. Почувствовав себя неуютно, он стал разглядывать мою визитную карточку.

— Значит, занимаетесь копаться в чужом белье? И хорошо платят?

— Хвастать нечем. Доллар тут, доллар там. Кое-что перепадает.

— И все в дерьме?

— Бросьте, мистер Лейвери. Зачем нам ссориться? Просто Кингсли считает, что вы знаете, где его жена, но не хотите сказать. То ли по злобе, то ли из чувства такта.

— А какие чувства он бы предпочел? — Губы на красивом загорелом лице насмешливо изогнулись.

— Ему один черт. Главное — получить информацию. Его не волнуют ни ваши с ней отношения, ни поездки, ни даже развод. Он просто хочет быть уверенным, что у нее все в порядке и она не влипла в передрыгу.

Лейвери заинтересовался:

— В передрыгу? В какую передрыгу? — Он катал это слово во рту, словно пробуя на вкус.

— А то вы не знаете, что он имел в виду.

— Не знаю. Расскажите, — попросил он с сарказмом. — Буду счастлив просветиться.

— С вами каши не сварить, — сказал я. — Хлебом не корми — дай похохмить, а о деле ни слова. Мы правда не собираемся таскать вас по судам за то, что вы умыкнули ее за границу штата.

— Какие, к черту, суды? Сначала надо доказать, что я вообще уезжал.

— Чего же она отправила телеграмму? — гнул я свое. Мне показалось, что я уже много раз повторял эти слова.

— Вероятно, шутка. Она без этого не может. А все шутки у нее или глупые, или злые.

— А тут-то зачем шутить? Не вижу логики.

Он осторожно стряхнул пепел на стеклянный столик, метнул в меня взгляд и тут же отвел глаза в сторону.

— Я ее обманул, — медленно произнес он. — Вот она и мстит. Должен был приехать на выходные, но не приехал. Она... она мне надоела.

— Угу, — буркнул я и спокойно уставился на него, — но мне больше нравится другой вариант: вы отправились с ней в Эль-Пасо, там поругались и разъехались. Согласны, что так оно правдоподобнее?

Его загорелое лицо побагровело.

— Черт вас подери! Сколько раз повторять, что никуда я с ней не ездил. Никуда! Неужели трудно запомнить?

— Запомню, когда поверю.

Он наклонился и затушил сигарету. Потом не спеша, без усилия встал, туго затянул пояс халата и сделал шаг в мою сторону.

— Все, — сказал он четким звенящим голосом. — Теперь вон отсюда! Уматывайте! Мне этот дурацкий допрос надоел. Только отнимаете у меня время. И у себя, если оно хоть чего-то стоит.

Я тоже встал и ухмыльнулся:

— Стоит оно не много, но мне все же платят. А не могло, к примеру, случиться, что вы нарвались на неприятности в каком-нибудь универмаге? Скажем, в трикотажном или ювелирном отделе?

Нахмутив брови и плотно сжав губы, Лейвери внимательно посмотрел на меня.

— Не понимаю, — сказал он, но по голосу чувствовалось, что он задумался.

— Вот и все, что мне хотелось узнать, — сказал я. — Спасибо за внимание. Кстати, где вы устроились после того, как ушли от Кингсли?

— А вам какое дело?

— Никакого. Но это легко выяснить, — ответил я и двинулся к двери, но ушел недалеко.

— В настоящее время я не работаю, — заговорил он холодно. — Со дня на день жду призыва во флот.

— Там вам самое место, — сказал я.

— Точно! Прощай, топтун. И не вздумай являться снова. Меня не будет дома.

Я подошел к выходу и толкнул дверь. Внизу у порога ее заклинило — разбухла от морской влаги. Справившись с ней, я обернулся. Он стоял, сузив глаза, едва сдерживая ярость.

— Может быть, я приду еще, — сказал я. — Но не обмениваться остротами. Если что-то раскопаю, придется поговорить.

— Все еще уверен, что я вру? — взорвался он.

— Вас явно что-то тревожит. Мне пришлось повидать людей, и я редко ошибаюсь. Может быть, это меня не касается. Но если касается, у вас будет случай выгнать меня снова.

— С удовольствием, — сказал он. — Только в следующий раз захватите с собой приятеля, чтобы было кому отвезти домой. Бывает, хлопаешься задницей, а отшибает мозги.

И ни с того ни с сего он вдруг плюнул прямо на ковер. Меня покорило. С него слетело все показное, и внезапно оскалило зубы мурло. Так коробит, когда интеллигентная на вид женщина вдруг начинает говорить непристойности.

— Прощай, красавчик, — бросил я и взялся за дверь.

Пришлось поднажать, чтобы она закрылась. Я выбрался по дорожке на улицу и остановился на тротуаре, рассматривая дом напротив.

Это был приземистый, широкий дом с выцветшей до приятных пастельных тонов розовой штукатуркой и тускло-зелеными оконными переплетами. Крышу покрывала круглая чешуйчатая черепица зеленого цвета. Парадная дверь вдавалась глубоко внутрь, а нишу облицовывала мозаика из разноцветных плиток. За низкой оштукатуренной оградой с ржавеющей на морском воздухе решеткой виднелся небольшой цветник. Слева от ограды стоял гараж на три машины с дверьми во внутренний дворик, по которому к боковому входу в дом вела цементная дорожка.

На воротах висела бронзовая табличка: «Альберт С. Олмор, доктор медицины».

Пока я все это разглядывал, в соседнем квартале из-за угла вывернул тот же черный «кадиллак». Мягко урча, он замедлил ход и стал выруливать перед гаражом, но, решив, что моя машина ему мешает, доехал до тупика, развернулся у железного забора с позолоченными пиками, медленно вернулся и вполз в пустой отсек.

Худощавый человек в темных очках и с докторским саквояжем направился по дорожке к дому. На полпути он остановился и посмотрел в мою сторону. Я пошел к своей машине. У дверей дома он вынул ключи и, отпирая дверь, снова оглянулся.

Я залез в «крайслер», закурил и стал думать, не стоит ли кого нанять, чтобы повисел на хвосте у Лейвери. Решил, что пока не стоит.

Занавески в нижнем окне рядом с боковой дверью, за которой скрылся доктор Олмор, шевельнулись. Худощавая рука развела их в стороны, и за стеклом блеснули очки. Через некоторое время занавески сомкнулись.

Я оглянулся на дом Лейвери. С этого места было видно, что от крыльца черного хода с крашеными деревянными ступеньками шла дорожка, которая — опять по ступенькам, но теперь бетонным — спускалась к мощеному проулку.

Я снова перевел глаза на дом Олмора и стал лениво гадать, хорошо ли доктор знает Лейвери. Вероятно, хорошо, раз в квартале

всего два дома. Правда, из врачей обычно ничего не удается вытянуть. Тем временем занавески в окне окончательно раздвинулись.

На среднем стекле жалюзи не было. Я видел, что худощавый доктор смотрит оттуда в мою сторону с очень хмурым видом. Я стряхнул пепел за дверь машины. Олмор отвернулся и сел за письменный стол, на котором стоял его саквояж. Он сидел прямо, нервно барабанил пальцами по столешнице. Его рука вдруг потянулась к телефону, коснулась трубки, отдернулась. Он закурил сигарету, резким взмахом погасил спичку, снова подошел к окну и снова уставился на меня.

Меня это заинтриговало. Ведь Олмор врач, а врачи, как правило, самые нелюбопытные люди на свете. Еще на практике они узнают столько секретов, что хватает на всю жизнь. Нет, доктор Олмор явно мной интересовался. Более того, нервничал.

Когда я уже нагнулся, чтобы включить зажигание, парадная дверь в доме Лейвери распахнулась. Я снял руку с ключа и откинулся на сиденье. Быстрым шагом Лейвери поднялся по дорожке, окинул взглядом улицу и повернул к гаражу. Одет он был, как и прежде, только с руки теперь свисали махровое полотенце и пляжная подстилка. Я услышал, как лязгнули ворота гаража, открылась и закрылась дверь машины, со скрежетом завелся мотор. Покашливая белыми облачками выхлопных газов, по крутому склону на улицу выбралась задом небольшая ладная машина голубого цвета. Верх был откинут, и над дверью виднелась прилизанная голова в темных очках с широкими белыми дужками. Машина скользнула вдоль квартала и, сделав изящный вираж, исчезла за поворотом.

Мне не было дела, если мистер Кристофер Лейвери поехал на берег бескрайнего Тихого океана, чтобы полежать на солнышке и дать девицам полюбоваться его роскошными статями.

Я снова переключился на доктора. Сейчас он прижимал к уху телефонную трубку, но не говорил, а, покуривая, ждал. Затем, чуть дернувшись, склонился, как обычно бывает, когда на том конце провода наконец раздается голос, что-то выслушал, положил трубку и сделал запись в блокноте. На столе перед ним тут же появилась толстая книга с желтым обрезом. Доктор раскрыл ее приблизительно посередине и кинул быстрый взгляд на мой «крайслер».

Найдя наконец нужное место, он пригнул голову и окутал страницы облаками сигаретного дыма. Потом сделал в блокноте еще одну запись, отодвинул книгу, снова набрал по телефону номер,

подождал и, покачивая головой, жестикулируя сигаретой, быстро заговорил.

Кончив разговор, доктор положил трубку, откинулся на спинку кресла и задумчиво уставился на стол, не забывая, однако, каждую минуту поглядывать в окно. Он чего-то ждал, и я ждал вместе с ним, сам не зная зачем. Врачи часто звонят по телефону, разговаривают со множеством людей. Врачи смотрят из окон, врачи хмурятся, нервничают, думают, переутомляются. Другими словами, врачи — это обычные люди, рожденные для страданий и борьбы в этом мрачном мире, как и все мы.

Однако в повадках этого врача меня что-то интриговало. Я глянул на часы, решил, что пора перекусить, но закурил и... остался на месте.

Прошло пять минут. Из-за поворота выскочил зеленый седан и покатил вдоль квартала. Качнув длинным хлыстом антенны, он замер у дома Олмора. Из машины вылез крупный блондин с блеклыми волосами и пошел к парадной двери. Нажав на звонок, он наклонился и чиркнул спичкой о ступеньку. Голова его повернулась в мою сторону.

Дверь щелкнула и впустила его внутрь. Невидимая рука задвинула занавески в окне кабинета. Я сидел и смотрел на темную в солнечном свете ткань. Время тянулось медленно.

Наконец дверь снова открылась, и блеклый не торопясь сошел по ступенькам к воротам. Он отшвырнул от себя окурок, взъерошил волосы, потом пожал плечами, потер подбородок и направился по диагонали через улицу. Его шаги звучали в тишине четко, но лениво. Занавески в окне доктора раздвинулись опять. Олмор стоял у окна и наблюдал за происходящим.

На край открытого стекла моей машины легла большая веснушчатая рука, и ко мне склонилось крупное, изрезанное складками лицо. Поблескивающие холодом голубые глаза внимательно оглядели меня.

- Кого-нибудь ждете? — раздался хриплый бас.
- Сам не знаю, — ответил я. — А что, похоже?
- Вопросы сегодня задаю я.
- Черт возьми! — сказал я. — Вот и ответ на пантомиму.
- Какую пантомиму? — Голубые глаза смотрели тяжело и недружелюбно.

Я ткнул сигаретой в дом напротив.

— Вон тот неврастеник все возился с телефоном. Вероятно, узнавал мое имя в автоклубе, потом искал его в телефонном справочнике и звонил в полицию. Чем могу служить?

— Ваши права.

Я посмотрел ему в глаза.

— Может, сначала предъявите полицейский значок? — сказал я. — Или достаточно одного хамства, чтобы я понял, с кем имею дело?

— Когда я начну хамить, ты это сразу почувствуешь, приятель.

Я наклонился, включил зажигание и нажал на стартер. Мотор завелся и заурчал.

— Выключи, — приказал блондин со злобой и поставил ногу на подножку.

Я выключил мотор, откинулся на сиденье и посмотрел на него.

— Дьявол! — сказал он. — Добиваешься, чтобы тебя вытащили из машины и повозили мордой по тротуару?

Я протянул ему бумажник. Он вынул оттуда целлулоидную корочку, просмотрел мои водительские права и копию удостоверения, засунутую с другой стороны. Потом презрительно вложил их обратно и отдал бумажник. Когда я его убрал, в руке у него появился голубой с золотом полицейский значок.

— Лейтенант Дегармо, уголовный отдел, — представился он своим грубым басом.

— Рад знакомству, лейтенант.

— Оставим это. Лучше скажите, какого рожна шпионите за Олмором?

— Ни за кем я не шпионю, как вы изволили выразиться. В жизни не слышал о докторе Олморе, лейтенант, и никаких оснований шпионить за ним у меня нет.

Он повернул голову и сплюнул. Сегодня мне прямо-таки везло на верблюдов.

— Тогда что вы тут делаете? Частных ищек мы не жалуем. В нашем городке их вообще нет.

— Ни одного?

— Ни одного. Так что давайте выкладывайте как на духу, а то придется попотеть в участке.

Я молчал.

— Вас наняли ее родственники? — неожиданно спросил он.

Я отрицательно мотнул головой.

СОДЕРЖАНИЕ

БЛОНДИНКА В ОЗЕРЕ. <i>Перевод М. Зинде</i>	5
СЕСТРИЧКА. <i>Перевод Д. Вознякевича</i>	203
ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ. <i>Перевод М. Клеветенко</i>	429
ОБРАТНЫЙ ХОД. <i>Перевод А. Ливерганта</i>	739